

Г. А. КЛИМОВ

О ПОНЯТИИ ЯЗЫКОВОГО ТИПА

В современном языкознании все более отчетливым становится осознание той выдающейся роли, которую призваны сыграть в развитии науки о языке типологические исследования. Тем более трудно примириться с разительным контрастом, наметившимся между широкими перспективами лингвистической типологии, с одной стороны, и ее относительно скромными реальными достижениями, с другой. И если обратиться к факторам, существенно тормозящим дальнейший прогресс типологической теории, то прежде всего бросается в глаза недостаточная разработанность понятия языкового типа. Поэтому едва ли будет преувеличением сказать, что последнее понятие остается центральным и для современной типологии.

Конечно, нельзя не видеть известной популярности, которую до последнего времени сохраняет и точка зрения о возможности построения типологии, не прибегая к понятию типа (о чем свидетельствуют, например, недавние высказывания Дж. Гринберга). Однако исследованиям, явно или неявно исходящим из нее, оказывается свойственным уже неоднократно отмечавшееся в специальной литературе отсутствие разграничения между структурным явлением и фактом типологии, и, как естественное следствие отсюда, отождествление типологического исследования по существу с любым структурным сопоставлением языков. В этом убеждении укрепляет, в частности, нередко эксплицитно формулируемый в работах представителей данного направления тезис о произвольности выбора фактов для типологического сравнения, будто бы отличающий типологию от генетического или ареального языкознания, которые руководствуются отнюдь не произвольным отбором своего материала¹. Не приходится поэтому удивляться тому обстоятельству, что многим языковедам это направление не представляется сколько-нибудь перспективным².

Между тем, имеются достаточно веские основания полагать, что во всяком случае собственно типологическое, т. е. не контрастивное (сопоставительное) и не так называемое «лингвистическое», исследование оказывается невозможным вне выработки некоторых абстрактных эталонов — языковых типов. Представляется, что именно они способны послужить эффективным орудием преодоления распространенного в типологии произвола в отборе рассматриваемых ею фактов, поскольку лишь с их помощью можно продемонстрировать неслучайность типологического «родства» тех или иных языков.

Аналогично абстрактным эталонам генетической семьи языков (праязыковой модели) и языкового союза (совокупности ареально соотносен-

¹ Ср.: J. H. Greenberg, The nature and uses of linguistic typologies, IJAL, 23, 1, 1957, стр. 68 и сл.; е с о ж е, Essays in linguistics, Chicago, 1957, стр. 67—68; е г о ж е, The typological method, «Current trends in linguistics», 11. Diachronic, areal and typological linguistics, The Hague — Paris, 1973, стр. 184—186.

² См.: В. С к а л и ч к а, О современном состоянии типологии, «Новое в лингвистике», III, М., 1963, стр. 19; В. М. Ж и р м у н с к и й, О целесообразности применения в языкознании математических методов, сб. «Лингвистическая типология и точные языки», М., 1965, стр. 108 и мн. др.

ных признаков), языковой тип прежде всего должен быть строго ограничен от класса исторически засвидетельствованных и описываемых в его терминах языков. Одним из важных следствий такого разграничения является, по-видимому, возможность построения языковых типов, не реализованных в силу тех или иных обстоятельств среди существующих в настоящее время языков. Между тем, лишь при соблюдении этого условия типологические штудии будут способны дать ответ на все чаще выдвигающийся в лингвистике вопрос — какие языковые структуры возможны и почему таковые возможны, тогда как иные невозможны. Вместе с тем, фрагментарная, на наш взгляд, выявленность типов, которые реализуются в представленных на современной лингвистической карте мира языках, упирается в факт недостаточной обследованности их структурного многообразия. Естественно думать, что преодоление такого положения вещей также составляет весьма актуальную задачу типологии.

В совокупный комплекс структурных признаков языкового типа должны включаться только логически взаимно необходимые черты, и, напротив, не могут входить ни универсальные, ни свободно сочетающиеся явления. В последних работах по типологии справедливо признается, что взаимная необходимость его структурных признаков-координат может быть достигнута лишь при построении такого комплекса по принципу его иерархической организации. Последнее означает, что понятие языкового типа не может быть одномерным, т. е. построенным на единственном признаке, а по необходимости оказывается многомерным (должно быть очевидным, что одномерными являются только конкретные структурные характеристики языков). В соответствии с таким подходом всегда могут оставаться самые серьезные сомнения в типологической релевантности той или иной структурной черты, пока она не включена в более широкую систему признаков-координат. Действительно, едва ли возможно каким-либо иным образом показать, что конкретное структурное явление составляет факт типологии.

Нетрудно заметить, что требование взаимной необходимости признаков языкового типа в свою очередь предполагает принцип его «чистоты» и, напротив, некорректность понятия так называемого «смешанного» типа. Вся история типологических исследований и, в частности, разработка морфологической классификации языков, красноречиво свидетельствует об интуитивном, но, тем не менее, всегда отчетливо выраженном стремлении лингвистов к построению именно «чистых» типов. Так, пока не известно прецедентов разработки эталона смешанной, например, агглютинативно-флективной или номинативно-эргативной системы. В то же время необходимо учитывать, что совмещение типологически разнородных признаков, столь часто наблюдающееся в конкретных языках, составляет явление совершенно иного плана. Естественно поэтому, что адекватная характеристика последних предполагает формулирование определенных правил перехода к ним от ближайших эталонов. Это обстоятельство отчетливо осознавал еще И. И. Мещанинов, когда подчеркивал, например, что обнаружение в китайском языке морфологических показателей не сможет изменить наших представлений о сущности аморфного строя как такового³. Таким образом, необходимо различать языковые типы и классы языков. Нелишним будет привести в этой связи следующую формулировку Т. П. Ломтева: «Есть... классы, или подмножества общего множества языков, и есть типы языков. Тип отдельных языков представляет собою набор их общих свойств. Класс отдельных языков есть подмножество общего множества языков, характеризующееся данным набором свойств,

³ См.: И. И. Мещанинов, Глагол, М.—Л., 1948, стр. 26.

общих для всех отдельных языков. Тип языков задает класс отдельных языков»⁴.

Практика типологических классификаций показывает необходимость строгого различения формальных языковых типов, с одной стороны, и контекстных (содержательных), с другой. Первые, как известно, строятся исключительно на основе определенных формальных зависимостей, существующих между теми или иными структурными фактами. Их примерами могут послужить изолирующий, агглютинативный и флективный типы, а также аналитический и синтетический, разработанные языковедением прошлого. Напротив, контекстные типы, основной вклад в разработку которых был внесен отечественными лингвистами, еще с начала 30-х годов приступившими к поискам глубинных структур, управляющих поверхностными (в фразеологии той эпохи — «идеологического обособления языковой техники»), строятся с облигаторной ориентацией на передаваемое мыслительное содержание, например, на отражение в языке субъектно-объектных отношений (ср. исследования И. И. Мещанинова, С. Д. Кацнельсона, Т. Милевского и др.). Конечно, контекстная типология, так же как и формальная, имеет дело с определенными структурными характеристиками языка. Однако в отличие от последней она вскрывает их детерминированность некоторым содержательным началом, лежащим уже вне плана языка. Более того, некоторые авторы полагают, что в выделяемых в ее рамках типах манифестируются особые формы миропонимания. Напротив, малоэффективным представляется противопоставление типов, основанных только на синтагматических или, наоборот, лишь на парадигматических отношениях языковых элементов, искусственно ограничивающее сравнение структурных фактов.

Хотя формальные и контекстные типологические классификации преследуют по существу разные цели, и поэтому их абсолютное сопоставление несколько затруднено, обращает на себя внимание, что последние обладают значительно большими объяснительными возможностями. Еще Н. Г. Чернышевский считал, что строящаяся на чисто формальных критериях морфологическая классификация языков «имеет только техническое специальное значение» и «для истории народов... не представляет никакой действительной важности»⁵. Позднее Э. Сепир справедливо писал о формально-типологической классификации, что, будучи взятой в чистом виде, она «представляется поверхностной. Она связывает воедино языки, по своему духу резко различающиеся на основании только некоторого внешнего формального сходства. Совершенно очевидно, что пропасть отделяет префигурирующий язык вроде камбоджийского с его префиксами (и инфиксами), используемыми только для выражения деривационных понятий, от языков банту, где префиксальные элементы имеют широчайшее применение в качестве символов синтаксических отношений»⁶. Как правило, формальный тип охватывает сравнительно ограниченный комплекс коррелирующих признаков поверхностной структуры языка, далеко не всегда выходящий сколько-нибудь необходимым образом за пределы одного его уровня. Фактически это обозначает его не общезыковую характер. Нетрудно заметить, что ориентация подавляющего большинства исследований именно на формальные типы обусловила широкое распространение в лингвистике последних десятилетий убеждения в иллюзорности идеи построения так называемой «цельносистемной типологии»

⁴ Т. П. Ломтев, Типология языков как учение о классах и типах языков, сб. «Лингвистическая типология и восточные языки. Материалы совещания», М., 1965, стр. 41.

⁵ Н. Г. Чернышевский, Поля. собр. соч., X, М.—Л., 1951, стр. 884.

⁶ Э. Сепир, Язык. Введение в изучение речи, М.—Л., 1934, стр. 99.

(whole system typology) и мысли о возможности лишь типовых схем, ограниченных пределами какого-либо одного языкового уровня (ср. встречающиеся высказывания, согласно которым классификационный принцип, относящий языки к определенному типу как целое, будто бы себя изжил). В соответствии с этим убеждением тип языка в лучшем случае рисуется как сумма свободно сосуществующих признаков, т. е. как некоторое построение чисто вероятностного порядка. Между тем, как уже отмечалось в специальной литературе, «отрицание возможности отнесения языка в целом к определенному типу в конечном счете подрывает сам принцип системной организации языковых явлений, наличия закономерно необходимых связей языковых элементов»⁷, который, собственно, и призван отражать языковой тип.

Возможность такой целостной характеристики языков существует по крайней мере в рамках контенсивной типологии, поскольку контенсивные типы способны охватывать широкую совокупность разноуровневых явлений, мотивированных специфическими глубинными структурами. Эти типы обладают и тем преимуществом, что в отличие от формальных, резко сокращают произвол исследователя в выборе критериев типологического исследования, а также, по-видимому, способны придавать ему определенную историческую перспективу. Это внушает надежду, что с дальнейшей разработкой именно этих типов лингвистическая типология сможет, наконец, получить статус равноправия с генетическим и ареальным языкознанием (уже в настоящее время между контенсивным языковым типом и праязыковой моделью оказывается возможным провести разнообразные и далеко идущие аналогии). Не исключено, что построенная на этой основе классификация языков сможет претендовать по своей объяснительной способности на роль так называемой «общей классификации» (generelle Klassifikation) в типологии.

Вполне естественно, что нередко весьма различным оказывается соответствующее место одних и тех же языков в рамках формальной или контенсивной типологической классификации. Так, например, в формальном плане (ср. степень развитости глагольного спряжения и именного склонения, удельный вес префиксального строя и т. п.) картвельская языковая структура обнаруживает промежуточную позицию между абхазско-адыгской и нахско-дагестанской. Однако в контенсивном плане она резко противостоит обоим: если последние должны быть отнесены к эргативному типу, то картвельская, будучи по преимуществу номинативной, обнаруживает в то же время многочисленные черты активного строя, чем скорее образует некоторую аналогию индоевропейской.

Впрочем при сравнительной оценке объяснительных возможностей типов, выделяемых в формальной и контенсивной типологии, нельзя упускать из виду и того обстоятельства, что отдельные комплексы формальных черт могут оказаться составляющими элементами более широкой типовой схемы уже контенсивного плана. Так, изучение стимулов агглютинативного типа на материале тюркских и финно-угорских языков привело к обнаружению одной из важнейших импликаций номинативного строя — отсутствия в их структуре содержательно обусловленного классного распределения имен существительных⁸. Вместе с тем, встречающиеся опыты механического совмещения элементов обеих разновидностей типологии (например, признаков эргативности и флективности, номинатив-

⁷ В. З. П а н ф и л о в, О задачах типологических исследований и критериях типологической классификации языков, ВЯ, 1969, 4, стр. 7.

⁸ Ср., например: Б. А. С е р е б р е н н и к о в, Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка, сб. «Морфологическая типология и проблема классификации языков», М., 1965, стр. 9 и сл.

ности и агглютинативности и т. п.) в рамках некоторого единого типа едва ли способны дать какой-либо эффект.

Бесспорна важнейшая роль, которая принадлежит в разработке понятия языкового типа установлению различного рода импликационных универсалий межуровневого характера. Как известно, во многих случаях построение типа начиналось на базе отдельных частных соответствий, существующих между морфологической и синтаксической системами языка. Новый стимул поиски межуровневых типологических корреляций получают с постепенным признанием в лингвистике возможности типологизации лексической системы языка (ее объектом должны, вероятно, явиться наиболее общие принципы структурной организации именной и глагольной лексики, а не узкие тематические группировки слов, обычно к тому же формируемые на неструктурных по существу основаниях). Исходя из положения о первичности лексического и вторичности грамматического следует полагать, что именно в плане лексики лежат те фундаментальные черты языковой структуры, которые влекут за собой максимально широкую совокупность более частных признаков-координат других уровней.

Одним из наиболее перспективных направлений современных типологических исследований представляется дальнейшая разработка понятия контенсивных языковых типов, различающихся по способам передачи субъектно-объектных отношений, выдвинутого в отечественной типологии. Ее начало было, по-видимому, положено идеей о строгом согласовании ряда синтаксических и морфологических импликаций эргативного строя, которая развивалась в работах И. И. Мещанинова, указавшего, в частности, на функционирование эргативного и абсолютного падежей в именном склонении или эргативного и абсолютного рядов личных аффиксов в глагольном спряжении языка, характеризующегося эргативной типологией предложения. Действительно, последующие работы показали, что передача субъектно-объектных отношений по удельному весу ее проекций на различные уровни языка составляет едва ли не наиболее существенный из факторов, определяющих его структурный облик. Думается к тому же, что пока в поле зрения исследования чаще всего попадают лишь самые очевидные из подобных проекций, в то время как другие все еще остаются в тени.

В настоящее время понятие такого целостного языкового типа может быть представлено в виде совокупности разноуровневых (лексических, синтаксических и морфологических) и иерархически взаимосвязанных признаков-координат в составе: а) профилирующих принципов структурной организации именной и глагольной лексики, б) основных моделей предложения и особенностей инвентаря его членов и в) специфики набора так называемых «позиционных» падежей именного склонения или состава личных аффиксов глагольного спряжения. Как можно предположить, с совокупностью перечисленных признаков некоторым образом коррелируют и отдельные особенности фонологического уровня языка (имеются в виду закономерности его синтагматики), однако почти полная неизученность этого вопроса не позволяет настаивать на существовании подобной корреляции. По содержательной специфике соответствующих поверхностных структур языка можно догадываться о характере самой глубинной структуры, вызывающей к жизни весь механизм того или иного языкового типа — его семантической детерминанты («типологической глубинной структуры», как ее иногда называют⁹), только в преломлении через кото-

⁹ Ср.: Н. В и r n b a u m, Problem of typological and genetic linguistics viewed in a generative framework, The Hague, 1970, стр. 26.

рую заявляет о себе универсальный для языков мира понятийный субстрат.

Так, в частности, совокупность типологических импликаций активного строя характеризуется следующими признаками: а) на уровне лексики — принципом лексикализации глаголов по классам активных и стативных, а также распределением имен существительных по классам активных («одушевленных») и инактивных («неодушевленных»), б) на уровне синтаксиса — корреляцией активной и инактивной конструкций предложения (а также взаимной дифференцированностью ближайшего и дальнейшего дополнений), в) на уровне морфологии — противопоставлением активной и инактивной серии личных аффиксов глагола или функционально аналогичной оппозицией активного и инактивного падежей имени. Судя по перечисленному комплексу признаков-координат, семантическая детерминанта активного строя сводится к последовательному противопоставлению активного и инактивного начал, за которым лишь в некотором приближении угадывается противопоставление субъектного и объектного.

Иная совокупность структурных импликаций свойственна эргативному строю: а) на уровне лексики — это принцип лексикализации глагольных слов на транзитивные и интранзитивные, а также распределение субстантивов на исключительно ситуационные «классы» субъектов и объектов; б) на уровне синтаксиса — это корреляция эргативной и абсолютной конструкций предложения (а также взаимная дифференциация прямого и косвенного дополнения); в) на уровне морфологии — это противопоставление эргативного и абсолютного рядов личных аффиксов глагола или функционально аналогичная оппозиция эргативного и абсолютного падежей имени. Названные признаки свидетельствуют о том, что семантическая детерминанта эргативного строя заключается в значительно более строгой ориентации его структурных компонентов на противопоставление субъектного и объектного начал (в недавних исследованиях А. Е. Кибрика она квалифицируется как оппозиция агентивного и фактививного).

В виде аналогичных жестких комплексов разноуровневых структурных признаков должны быть представлены, судя по всему, и другие выделяемые в этой схеме континентные типы языка — номинативный, классный и нейтральный. Если нарисованная картина адекватна, то известный тезис И. И. Мещанинова, согласно которому «нормы сознания получают свое выражение в языке в семантике лексических группировок, в оформлении слова, в построении предложения»¹⁰, обретает тем самым свое конкретное подтверждение.

В соответствии со сказанным выше едва ли было бы последовательным признание идентичности и частного инвентаря лексических и грамматических категорий, характеризующих разные языковые типы. Так, функционально отличным в них является, например, состав основных позиционных падежей: ср. противопоставление именительного и винительного падежей в номинативном типе, эргативного и абсолютного — в эргативном, активного и инактивного — в активном. Совершенно отличным оказывается в них и функциональное содержание глагольной диатезы: ср. оппозицию действительного и страдательного залогов в номинативном типе, переходной и непереходной форм — в эргативном, центробежной и нецентробежной («центростремительной») версий — в активном. К тому же эти оппозиции закреплены в них и за совершенно отличными классами глаголов: действительный и страдательный залоги — за переходным глаголом номинативных языков, переходная и непереходная формы — за

¹⁰ И. И. Мещанинов, Понятийные категории в языке, «Труды военного института иностранных языков», 1945, 1, стр. 11.

диффузным (или так называемым «лабильным») глаголом эргативных, центробежная и нецентробежная версии — за активным глаголом активных. Аналогичным образом, по-разному в языках разных типологий передается и противопоставление органической и неорганической принадлежности.

Все это диктует настоятельную необходимость разграничения в рамках единого метаязыка лингвистики специфических категорий, в терминах которых описываются представители лишь единичных языковых типов, с одной стороны, а также категорий, пригодных для описания по крайней мере нескольких типов, с другой (ср. предложенное Б. Л. Уорфом различение таксономических и дескриптивных категорий разных степеней¹¹). Следует ожидать, что подобное разграничение создаст эффективные предпосылки для выявления существующего между языками мира структурного изоморфизма и алломорфизма (в частности, оно может лечь в основу определения типологического расстояния, отделяющего одни языковые структуры от других). Можно также надеяться, что его последовательное проведение поможет более отчетливо увидеть исторический характер грамматических категорий.

Содержательная специфика совокупности признаков каждого языкового типа позволяет предполагать обусловленность их особыми семантическими детерминантами. Если допустить, что семантическая детерминанта языка составляет один из необходимых компонентов равноуровневой структуры мышления, то возникает надежда, что дальнейшие исследования в области континентальной типологии окажутся способными пролить определенный свет на проблему взаимоотношения языка и мышления.

Что касается исторически засвидетельствованных языков, то по своим структурным параметрам они либо полностью укладываются в рамки постулируемых типов, либо — только частично. Впрочем даже в последнем случае, как правило, по-видимому, существует возможность установить профилирующий в языке тип¹². Такая возможность должна вытекать из всегда в той или иной степени реализуемой в рамках континентальной типологии координации синтаксической и морфологической структур языка с лексической при иерархически более высоком положении последней. Думается, что совмещение типологически разнородных черт, столь часто наблюдающееся в языковой действительности, отражает диалектику исторического развития языков и рано или поздно выдвинет в повестку дня исследования и вопрос о диахроническом соотношении этих типов.

В этой связи особый интерес вызывает то бесспорное обстоятельство, что одни и те же типы способны находить весьма последовательную реализацию в самых различных областях глоттогонии, в языках, совершенно не связанных друг с другом ни генетически, ни ареально. Так, например, хорошо известно, что представители эргативного строя засвидетельствованы в Европе, Азии, Австралии и Америке (помимо ранее выявленных, к эргативным теперь следует причислить южноамериканские языки такана-пано, а также, по-видимому, североамериканские языки салиш). Конечно, последнее обстоятельство лишь отчасти может быть «объяснено» ограниченностью известных языкам мира возможностей выражения одного и того же глубинного содержания, поскольку при этом вне истолкования оказывается факт, почему, скажем, эргативными оказываются нахско-дагестанские, а не славянские языки. Поэтому вполне правомерной представляется постановка соответствующего вопроса Э. Сепиром, писавшим

¹¹ См.: Б. Л. У о р ф, Грамматические категории, сб. «Принципы типологического анализа языков различного строя», М., 1972, стр. 59—60.

¹² Ср.: М. М. Г у х м а н, Лингвистические универсалии и типологические исследования, «Универсалии и типологические исследования», М., 1974, стр. 41—42.

следующее: «Подобно тому, как схожие социальные, экономические и религиозные установления выросли в разных уголках мира из различных исторических антицедентов, так и языки, идя разными путями, обнаруживали тенденцию совпасть в схожих формах. Более того, историческое изучение языков вне всяких сомнений доказало нам, что язык изменяется не только постепенно и последовательно, что он движется бессознательно от одного типа к другому и что сходная направленность движения наблюдается в отдаленнейших уголках земного шара... Почему же образуются схожие типы и какова природа тех сил, которые их создают и разрушают?»¹³.

Если учесть, что логическое и историческое не только не противоречат друг другу, но, напротив, взаимно предполагаются, то можно увидеть, что не только генетическая и ареальная, но и типологическая классификация языков должна располагать определенным историческим основанием. Более того, некоторые современные лингвисты уже ставят перед типологией задачу установления тех общих закономерностей, по которым изменяются языки, а также потенциал внутреннего развития каждого отдельно взятого типа. Познание подобных закономерностей не только повысило бы достоверность типологических реконструкций, но и, вероятно, расширило бы предсказательные возможности лингвистической теории вообще. Ввиду этого все чаще обращающийся в адрес многих типологических построений упрек в отсутствии у них исторической перспективы представляется очень серьезным¹⁴. Конечно, «апеллируя от истории одного языка к истории другого, мы в отдельных случаях рискуем преувеличить это единство в подробностях, навязать истории одного языка черты, которые никогда в этом языке не были, а имелись в другом языке. Однако, это будет ошибка неизмеримо меньшего значения, чем если мы будем считать языки абсолютно индивидуальными явлениями, развивающимися каждый раз совершенно особенными путями»¹⁵.

И в последнем отношении положение типов, относящихся к формальной или контенсивной схеме, окажется, по-видимому, неодинаковым. Уместно напомнить, в частности, что настойчивые поиски универсальных путей языковой эволюции, обычно опиравшиеся в прошлом на сопоставление таких, например, формальных характеристик языка, как аморфность, агглютинативность и флективность, так и не привели к положительным результатам. Существует надежда, что на возможность определенной исторической интерпретации в большей степени способны претендовать языковые типы, строящиеся в рамках контенсивной типологии, поскольку материал последней в принципе может быть некоторым образом соотнесен с закономерностями развития мышления (в этой связи обращает на себя внимание, например, тот факт, что активный, эргативный и номинативный типы по степени своей структурной близости, отражающей усиление ориентации элементов их грамматического строя на передачу субъектно-объектных отношений, могут быть выстроены, по-видимому, лишь в единственной последовательности). Не исключено поэтому, что прежде всего со стороны контенсивной типологии последуют новые стимулы к возвращению языковедения к глоттогонической проблематике.

¹³ Э. Сепир, указ. соч., стр. 95.

¹⁴ Ср.: Р. А. Будагов, Проблемы развития языка, М., 1965, стр. 55—59; L. Hjelmslev, *Le langage*, Paris, 1966, стр. 128—129; Т. С. Шарадзеидзе, Типология языков (синхрония и диахрония), «Вопросы современного общего и математического языковедения», III, Тбилиси, 1971, стр. 8; J. H. Greenberg, *The typological method*, стр. 184—186, и мн. др.

¹⁵ И. М. Троицкий, Общевидеоевропейское языковое состояние (Вопросы реконструкции), Л., 1967, стр. 87.